

синтаксических закономерностей будет являться одним из средств компенсации.

При переводе необходимо учитывать различные свойства языковых единиц, а именно порядок элементов, форму слова, словосочетания, предложения, грамматические значения форм в контексте. В плане синтаксического сопоставления в наблюдаемых текстах оригинала и переводов повести Ж.Аймурзаева встречаются предложения разных типов.

Для осуществления адекватного перевода необходимо использование синтаксических трансформаций. Основными причинами необходимости синтаксических трансформаций являются отсутствие соответствующего грамматического явления в русском и каракалпакском языках, несовпадение стилистического характера аналогичных грамматических явлений в языках, несовпадение смысловой структуры словосочетания

в каракалпакском и русском языках, необходимость передачи «коммуникативного членения» предложения, формальная невыраженность семантических компонентов словосочетания и семантическая избыточность. Очевидно, что на практике переводческие трансформации в чистом виде встречаются редко, обычно они сочетаются друг с другом, принимая форму сложных, комплексных трансформаций.

Таким образом, изучение языка переводов произведения Жолмурзы Аймурзаева «Сердце сироты» показало, что трансформации занимают важное место в художественном переводе, так как нередко невозможно использовать соответствия из словарей. С помощью трансформаций можно изменить внутреннюю форму лексических единиц или, наоборот, полностью заменить ту или иную структуру для адекватной передачи содержания.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2002.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М., 2003.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
6. Аймурзаев Ж. Жетимниң жүреги. Өмирбаянлық повесть. Нөкис: Қарақалпақстан, 1983.
7. Карасев Ю. «Солнце над Аму». Повести каракалпакских писателей. Авторизованный перевод с каракалпакского Юрия Карасева. Нукус: Каракалпакстан, 1973.

Виктория ГУДЗИНА,

доктор философии по филологическим наукам,
старший преподаватель Бухарского государственного университета

ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ СЧАСТЬЯ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания категории счастья в лирических дискурсах выдающейся русской поэтессы XX века Анны Ахматовой. В центре внимания находятся выявление и характеристика источников счастья на материале раннего периода ее творчества. Актуальность изучения категории счастья определяется ее универсальным статусом и высоким смыслообразующим потенциалом.

Ключевые слова: мотив, категория, счастье, лирика, традиционный символ, концепция, архетип.

В мировом ахматоведении накоплен огромный материал, связанный с различными аспектами изучения творчества Анны Ахматовой. Однако несмотря на широчайший интерес к ее творчеству, вопрос понимания поэтессой категории счастья до сих пор незаслуженно остается вне поля зрения литературоведов.

Как известно, категория счастья включает несколько составляющих, среди которых могут быть эмоция, благополучие, удовлетворенность жизнью, материальное благосостояние и т.д. По мнению Аристотеля, эта категория может также включать понятие «коллективное благо», т.е. восприниматься не как индивидуальное состояние, а как нечто, присущее только коллективу [1, с. 15].

Annotation. The article deals with the problem of understanding the category of happiness in the lyrical discourses of the outstanding Russian poetess of the 20th century Anna Akhmatova. The focus is on identifying and characterizing the sources of happiness based on the material of the early period of her work. The relevance of studying the category of happiness is determined by its universal status and high semantic potential.

Keywords: motive, category, happiness, lyrics, traditional symbol, concept, archetype.

Исследование категории счастья особо значимо для литературоведческой интерпретации лирики выдающейся представительницы женской ветви поэзии XX века Анны Ахматовой. Понятие счастья может рассматриваться как одна из доминирующих смыслопорождающих категорий, формирующая содержательный вектор ее поэзии. Женское самосознание лирических героинь Ахматовой находит воплощение через осмысление диалога женщины с окружающим ее жизненным пространством.

По мнению американской исследовательницы Аманды Хейт, Ахматова была «...озабочена необходимостью озвучить женскую точку зрения в культуре, где женские голоса, хотя и начинали звучать, но были немногочисленны, и где женщины всё еще страдали от

иллюзии, что для того, чтобы быть равными с мужчинами, они должны быть такими же, как они» [2, с. 2].

Критик В.Гольцев, анализируя мотив счастья в лирике А.Блока, писал: «Общие категории «счастья» или «несчастья» не приложимы к носителю трагического миропонимания. Он бывает счастлив или несчастлив в обыденном и плоском значении этих слов. Ему ясна вся иллюзорность зыбкой детской мечты о счастье. Возвышаясь над этой мечтой, он постигает, что счастье всё равно не может наполнить существование человека» [3, с. 17].

Эти слова справедливы и по отношению к Анне Ахматовой, для которой Блок был нравственным ориентиром и кумиром. *Не чудо ли, что знали мы его, / Был скуп на похвалы, но чужд хулы и знева, / И Пресвятая охраняла Дева / Прекрасного Поэта своего* («Не чудо ли, что знали мы его») [4, далее приводимые отрывки из стихотворений даются из этого источника].

В ранней лирике Ахматовой за стихотворной строкой можно увидеть страдающую от глубокой несчастной любви женщину. Польский литературовед Агата Долачинска считает, что «именно героиня ранних произведений поэтессы всегда страдает, всегда переживает глубоко и интенсивно каждое слово, каждый жест любимого. Она никогда не радуется, никогда не кажется счастливой» [5, с. 160]:

*Так беспомощно грудь холодила,
 Но шаги мои были легки.
 Я на правую руку надела
 Перчатку с левой руки.*

Счастье – это не объективная категория, а внутреннее состояние. Его источник может быть любым, то, что представляется одному источником счастья, для другого ничего не значит. Для Ахматовой счастье – это поэзия, любовь, страдания, пророческая миссия: *В мою торжественную ночь / Не приходи. Тебя не знаю. / И чем могла б тебе помочь? / От счастья я не исцеляю* («Я не любви твоей прошу...»).

Как верно отмечал Е.Добин, «Духовным лейтмотивом Ахматовой была жажда счастья, право на счастье» [6, с. 82]. И о праве на счастье поэтесса громко заявляет в стихотворении «Клеветникам»: *Осуществленную мечтой / И счастьем полон каждый час, / ...А вы постыдной клеветой / Себя унижите – не нас!*

Лирика Ахматовой обнаруживает искренность, откровенность в сочетании со строгой гармонией, лаконичностью, емкостью поэтического языка. Для Ахматовой было характерно понимание подлинного счастья как трудного, жертвенного. Мы согласны с российским литературоведом Л.Ю.Большухиным, считающим, что «путь к счастью – некая стратегия, которая и определяет эволюцию художественной системы поэта» [7, с. 243]. Анна Ахматова писала с необыкновенным чувством авторитета. Даже ее самые ранние стихотворения передают чувство цели и важности, которое многие зрелые поэты, возможно, никогда даже не пытаются передать. Каким-то образом Ахматовой уда-

лось изобразить себя не только как отдельного поэта, пишущего глубоко личные стихи, но и со временем как самоназванный символ России: *Земная слава как дым, / Не этого я просила. / Любовникам всем моим / Я счастье приносила*. Ее роль вышла далеко за рамки роли поэта. Она воплощала концепцию иконы – буквально проводника между небом и Землей – изображая себя не только сосудом для Слова Божьего, но и способным обратиться к Богу от имени народа: *И звенит, звенит мой голос ломкий, / Звонкий голос не узнавших счастья: / «Ах, пусты дорожные котомки, / А на завтра голод и ненастье!»*.

Окружающий же мир предстает перед Ахматовой как инструмент, передающий волю небес: *Как хорошо в моем затворе тесном! / О самом нежном, о всегда чудесном / Со мной сегодня птицы говорят. / Я счастлива*. Одна из причин, по которой читатель так охотно принимает Ахматову в этой роли, заключается в том, что она приняла поэтический образ, соответствующий не только архетипическим образам женщин, но и образам женщин, характерным для русской культуры. Личность Ахматовой черпает свой авторитет из целого ряда различных источников. Она не только служит проводником божественного вдохновения, но и берет на себя ряд параллельных ролей, таких как пророк и плакальщик мертвых:

*Поглядел на меня прозорливец
 И промолвил: «Христова невеста!
 Не завидуй удаче счастливиц,
 Там тебе уготовано место...*

Как можно увидеть из приведенного четверостишия, Ахматова очень четко выделяет «мирских земных счастливиц», декларируя себя в противовес им как «Христову невесту», которой «уготовано место» на небесах. Иными словами, «земное счастье» – не для нее, по ее мнению. Наоборот, «земное счастье» воспринимается поэтессой глубоко негативно: *Муза! ты видишь, как счастливы все – / Девушки, женщины, вдовы... / Лучше погибну на колесе, / Только не эти оковы*.

Интересно мнение А.К.Жолковского о понимании счастья поэтессой: «В поэтическом мире Ахматовой естественным уделом человека является отсутствие счастья, а ответом на него – сознательный

аскетизм и нарочито позитивное переосмысление своего положения...» [8, с. 139]. Главное в ранней поэзии Ахматовой – ощущение беспокойности мира, предчувствие грядущих бурь и катастроф. Всё это определяет глубинную трагичность ее лирики, ощущение хрупкости счастья и человеческой жизни: 1) *Я не плачу, я не жалуясь, / Мне счастливой не бывать. / Не целуй меня, усталую, – / Смерть придёт поцеловать;* 2) *Когда от счастья томной и усталой / Бывала я, то о такой тиши / С невыразимым трепетом мечтала / И вот таким себе я представляла / Посмертное блуждание души.*

Лишь иногда Ахматова пишет о земном счастье как о некоем значимом для нее состоянии, но только в прошедшем времени, тем самым снова добавляя ноты трагизма: *Тот город, мной любимый с детства, / В его декабрьской тишине / Моим промотанным наследством / Сегодня показался мне. / И дикой свежестью и силой / Мне счастье веяло в лицо, / Как будто друг, от века милый, / Вскодил со мною на крыльцо.*

Мы проанализировали почти все лирические стихотворения Анны Ахматовой, и в 33 из них употребляется слово «счастье»: *Конечно, мне радости мало / Такая сулила гроза, / Зато я случайно узнала, / Какие у счастья глаза...* В большинстве текстов счастье подразумевается, причем с негативным оттенком, как его недоступность. Лирическая героиня Ахматовой ожидает несчастья даже от любви, которая сравнивается со змеей, традиционным символом предательства: *То змейкой, свернувшись клубком, / У самого сердца колдует, / То целые дни голубком / На белом окошке воркует.* Эта любовь, подразумевающая счастье, воспринимается поэтессой недоступной, недостижимой, которая дает только страдания и беспокойство, так что его можно спутать с несчастьем: *И знала я, что заплачу сторицей – / В тюрюме, в могиле, в сумасшедшем доме – / Везде, где просыпаться надлежит таким, как я... / Но длилась пытка – счастьем.* Поэтому любовь, которая дает счастье, для Ахматовой страшна: *Умеет так сладко рыдать / В молитве тоскующей скрипки, / И страшно ее угадать / В еще незнакомой улыбке.*

Примечательно, что лексема «счастье» употребляется в форме деривата – прилагательного – также всего несколько раз и также в негативном смысле: *Громко говорю с тоской, / Не раскрывши сонных глаз. / И она стучит, как кровь, / Как дыхание тепла, / Как счастливая любовь, / Рассудительна и зла.* Как видно, любовь даже в лучшем варианте «счастливой любви» наделяется странными для этого чувства качествами «рассудительности» и «злости».

В стихотворениях Ахматовой, таким образом, земное существование предстает как «юдоль печали», лишённая счастья и наполненная болью, которую поэтесса часто славит в своих стихотворениях, воспроизводя те или иные печальные сюжеты: 1) *Мне не надо счастья малого, / Мужа к милой провожу / И довольно, усталого / Спать ребенка уложу;* 2) *Когда же сча-*

стия гроши / Ты проживешь с подругой милой / И для пресыщенной души / Все станет сразу так постыло.

Редкое и мимолетное счастье воспринимается лирической героиней как подарок, как благодать: 1) *Чем отплачу за царственный подарок? / Куда идти и с кем торжествовать? / И вот пишу, как прежде без помарок, / Мои стихи в сожженную тетрадь («Сон»);* 2) *А скорбных скрипок голоса / Поют за стелющимся дымом: / Благослови же небеса – / Ты первый раз одна с любимым («Вечером»);* 3) *В пушистой муфте руки холодели. / Мне стало страшно, стало как-то смутно. / О, как вернуть вас, быстрые недели / Его любви, воздушной и минутной («Высоко в небе облачко серело»).*

Ахматова создавала систему, в основании которой лежала идея познания взаимоисключающих истин. Стирание противоположностей неумолимо вело к отрицанию «женского» счастья, открыто звучащее в ее произведении «Мне не надо счастья малого...», единственного ахматовского стихотворения, где «счастье» вынесено в название. Как великая женщина Ахматова не могла априори довольствоваться «счастьем малым», поэтому была обречена на женское одиночество. Как известно, Ахматова неоднократно пыталась создать крепкую семью, но ни один брак не принес ей полного ощущения женского счастья. Этот печальный факт не мог не наложить свой отпечаток на ее лирические дискурсы. Примером может послужить стихотворение «Конечно, мне радости мало...»:

*Конечно, мне радости мало
Такая сулила гроза,
Зато я случайно узнала,
Какие у счастья глаза...*

В творчестве А.Ахматовой борются два начала: женское, подвластное земной любви и переживаниям, и творческое, в полной мере посвященное одухотворенному одиночеству и свободе от сердечных мук. Ее лирическая героиня подчиняется своей высшей миссии и во имя творчества отрекается от земного женского счастья: *Муза-сестра заглянула в лицо. / Взгляд ее ясен и ярк. / И отняла золотое кольцо / Первый весенний подарок.*

Таким образом, поскольку земное существование не представляет для Ахматовой интереса или источника наслаждения, она находит «горькое» счастье в том, чтобы представлять себя своего рода «памятником слова» и таким образом войти в вечность: *Слишком сладко земное питье, / Слишком плотны любовные сети... / Пусть когда-нибудь имя мое / Прочитают в учебнике дети.*

Для русской литературы характерно обостренное чувство личной ответственности большинства писателей за происходящее беззаконие. То, что лишало их покоя, находило выход в творчестве. «Эти настоячивые искания духа, <...> эти непрестанные поиски смысла и высоты жизни, сопровождавшиеся постоянными и такими глубоко русскими по своим душевным жестам волнениям совести и веры <...> вводили поэзию Ахматовой в русло высоких и благороднейших

традиций русской классической литературы [9, с. 47], – писал А.И.Павловский. В стихотворении «Мне голос был...» Ахматова дает недвусмысленную отповедь «речи недостойной», оскорбляющей «скорбный слух» истинной дочери России, не мыслящей себе счастья вне родины: *Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух, / Чтоб этой речью недостойной / Не оквернялся скорбный дух.*

В русской женской поэзии рубежа XIX–XX веков на первый план выдвигается Анна Ахматова, которая смогла талантливо соединить мужской стиль подачи лирического настроения, и женскую эмоциональную реакцию на сокровенные отношения. Сча-

стье как бытийная категория представлена в различных интерпретациях, нашедших художественную репрезентацию в ее поэтических дискурсах.

В поэтическом сознании А.Ахматовой счастье неразрывно связано с любовью, ей для счастья нужно было очень мало и одновременно безмерно много: *любовь, семья, творчество. И любовь в этой шкале ценностей стояла на первом месте.* Рецепция категории счастья в творчестве Ахматовой представляет разработку одного из важных аспектов современного литературного процесса, позволяющую создать предпосылки для выявления и декодирования черт инаковости женского миропонимания.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в 4 т., т. 4. М.: Мысль, 2004.
2. Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage (Oxford Lives), 1976.
3. Гольцев В. Александр Блок как литературный критик / Статьи и очерки. М., 1958.
4. Ахматова А. Лирика. М.: Художественная литература, 1990.
5. Dolacińska A. Мотив души в раннем творчестве Анны Ахматовой // Acta Neophilologica, III, 2001.
6. Добин Е. Поэзия Анны Ахматовой. Сюжет и действительность. Л., 1976.
7. Большухин Л.Ю. Путь к счастью в творчестве В.В.Маяковского // Вестник Нижегородского университета имени Н.И.Лобачевского, 2009, №2.
8. Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя. М.: 2005.
9. Павловский А.И. Анна Ахматова. Очерк творчества. Л., 1966.

Татьяна ЮН,
студентка,

Ирина ДОРОНИНА,

преподаватель Ферганского государственного университета

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

(на материале зарубежной литературы)

Аннотация. В статье рассматривается фразеологический повтор в дискурсе, в частности один из наиболее распространенных паттернов – фразеологическое повторение, создающее сложную связь функций и способствующее текстовой связности и согласованности. «Перекрестное повторение предложений» дискурсивно связанных между собой элементов производит объединяющий эффект этих взаимосвязей.

Ключевые слова: фразеологическая единица, контекст, фразеологический повтор.

Annotation. The article deals with phraseological repetition in discourse, in particular, one of the most common patterns – phraseological repetition, which creates a complex connection of functions and contributes to textual coherence and consistency. The “cross-sentence repetition” of discursively linked elements produces the unifying effect of these interconnections.

Keywords: phraseological unit, context, phraseological repetition.

Повтор всей фразеологической единицы (далее ФЕ), её части или даже одного компонента – широко распространенное средство экспрессивного и эмоционального воздействия на читателя и слушателя. По своей природе фразеологический повтор является лексическим повтором, т.е. повторением «...словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний» [1, с. 258]. Следовательно, вполне возможно, что функции фразеологического повтора сходны с функциями повтора лексического. Собственно лексический повтор, по мнению Гальперина, является неотъемлемой частью возбужденной

речи: «Возбужденная речь отличается фрагментарностью, иногда алогичностью, повторением отдельных частей высказывания. Более того, повторы слов и целых словосочетаний в эмоционально-возбужденной речи являются закономерностью. Здесь они не несут какой-либо стилистической функции» [там же, с. 58].

В традиционной риторике повтор обычно рассматривается как фундаментальное, хотя и примитивное средство усиления, особенно в аффективных ситуациях, состояниях крайнего эмоционального напряжения или для акцентирования внимания. В истории стилистики эти приемы получили сложную классификацию; таким образом, риторическая традиция передала большое коли-